

век в таком возрасте работает на земле, не пьёт... И хотя автор изобразил его с мелкой душонкой, — я думаю, что в душу ту всмотреться бы надо, не так там все однозначно.

Геннадий Дырин. «Ангел-хранитель». Получается невольная переключка с повестью Арнаутова. Человеку стало плохо — пообещал в церковь сходить. Стало хорошо — не пошёл. Это как нашкодившие дети. Очень по-школьному получилось.

Василий Попок. «Из блокнота». Мне больше понравилась вторая история. «Второй дом». Понравилась форма подачи материала. Он пишет бесстрастно. В манере зеркала, которое отражает то, что перед ним. И чем бесстрастнее он пишет, тем сильнее задевает читателя. Если бы это описывал, у меня бы такой бесстрастности не получилось. Рассказ «В больничке», где автор сломанную ногу лечил, — впечатляет меньше. Здесь бесстрастность ослаблена в некоторых местах негодованием. Потому что своё, и оно болит.

Александр Ярошук. «Два рассказа». Как рассказчик он растёт, хотя и сбои случаются. «Пятьдесят грамм для звезды» — не очень. «Лекарство от хандры и одиночества» — гораздо лучше.

Галина Золотаина. «Прогалины». Тяжелее всего писать в жанре миниатюры. Нужно вычёркивать много лишнего и выискивать точные слова. Не всегда это удаётся. Мне кажется, даже «Крохотки» Александра Солженицына — и те не удались. Тексты Золотаиной замечательны по языку. Лишнего нет. Как говорил один писатель: «Я не могу писать короткие письма. У меня нет на это времени. Поэтому пишу длинные». У неё находится время писать коротко. Минус в том, что мораль, как в басне, лежит на поверхности. Многоплановости нет.

Ирина АЩЕУЛОВА,

г. Кемерово

ОБЗОР ПРОЗЫ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» за 2009 год

Размышление 1. Роман В. Переводчикова «Колдунья Азея» (№ 1–3 2009)

В прошедшем 2009-м литературном году журнал «Огни Кузбасса» продолжил положительную динамику 2008 года и порадовал читателей многообразием прозы, поэзии, публицистических и просветительских материалов. Но все же меня как читателя журнала всегда особо привлекает раздел прозы, где всегда находится много занимательного. Поэтому цель данных размышлений я вижу в попытке интерпретации некоторых прозаических произведений, на которые хотелось бы обратить внимание читающей аудитории.

Роман В. Переводчикова «Колдунья Азея» напечатан в 1–3-м номерах журнала «Огни Кузбасса» за 2009 год. Безусловно, появление этого романа можно расценивать как большой прорыв провинциального литературного журнала. Для активно читающей

публики не секрет, что не каждый столичный современный литературный журнал может похвастаться качественной прозой. Наряду с романом С. Павлова «На изломах Крестьянского тракта...», вышедшим в 2008 году отдельной книгой и впервые напечатанным в том же журнале, «Колдунья Азея» воспринимается как заметное явление в современной региональной литературе. Чем же интересен роман? Попробуем разобраться. Обратимся к его поэтике: композиции, сюжету, персонажам, мотивам.

На мой взгляд, основное художественное достоинство романа заключается в его полифоничности, многоголосии, множественность голосов персонажей, множественность точек зрения формируют образ насыщенной, многослойной реальности, что отражается и на занимательности повествования (истории о нескольких поколениях колдуний) и на его философичности. Роман начинается с устойчивого в мировой и русской литературе мотива «найденной рукописи»: совершенно случайно к рассказчику попадает холщовый мешок с бумагами, которые ему непонятны и ненужны. Из сопроводительной записки рассказчик узнает, что найдены эти бумаги в некоем «схроне», все тексты написаны через букву ять, значение их темно. Только после выхода на пенсию рассказчик заинтересовался этими бумагами, что-то в дополнение к ним ему поведали другие люди, в частности, его двоюродная сестра Антонина. И оказывается, что рассказчик принадлежит к древнейшему роду шаманов и магинь, мудрость которого зародилась ещё при Чингисхане и в современности утеряна. Так из случайно найденных рукописей появляется легенда о древней магине — матери Летаве, родоначальнице клана магинь-птиц. Эта сюжетная линия в романе разветвляется на несколько временных периодов. Во-первых, далекие времена Чингисхана (хана Тэмучжина), связанные с детством, юностью и посвящением в тайны магии Цзэмулы-Летавы — родоначальницы клана магинь; во-вторых, это вторая половина XIX века, Даурия, граница с Китаем и Монголией, жизнь магини Трифелы-птицы; в-третьих, первая половина XX века, примерно до 1960-х годов, история жизни последней из рода — Азеи-птицы. С двумя последними колдуньями из рода Летавы связаны судьбы остальных персонажей, а с восприятием тайн магии, колдовства и шаманства связан метатекстовый философский план повествования, авторский план.

Собственно художественное время повествования романа связано с настоящим и прошлым колдуньи Азеи. Посылка для начала повествования связана с её пребыванием в настоящем под следствием по обвинению в незаконном врачевании, жертвой которого становится ребенок. В реальном настоящем времени развертывается сюжет об аресте Азеи, следствии и обвинении её в непреднамеренном убийстве, здесь следователь Андрей Венцов пытается понять сложный тайный мир магии и шаманства. Андрей предпринимает несколько попыток оправдания колдуньи, для чего изучает архивы библиотек,

старые книги по магии, встречается со свидетелями «чудес», сотворенных Азеей, и сам становится свидетелем такого чудесного излечения. В этом понимании кроется и будущее оправдание Азеи на суде.

С другой стороны, сидя в тюрьме, имея огромное количество свободного времени, Азея вспоминает свою жизнь, многочисленных людей, встретившихся на её пути, моменты своего торжества и поражения. Воспоминания становятся и оправданием деятельности Азеи, и собственным приговором себе. В этих воспоминаниях очень много сказочного, фантастического, мифологического. Память Азеи уходит в различные миры, времена и пространства, память рождает в повествовании миф-легенду о роде магинь-целительниц и их знании. Сказочное прошлое связано с прошлым самой Азеи, историей её обучения колдовству, превращением в птицу, образом Трифелы – тетушки, наставницы Азеи.

Думается, что сказочность, фантастика, условность повествования становятся важнейшей чертой поэтики романа, что позволяет вписать роман в определенную тенденцию современной русской литературы. Так, исследователь современной литературы из Минска Г. Л. Нефагина обозначает прозу, где допускаются различного рода условность, фантастика, сказочность, мифичность, – условно-метафорической прозой¹. Непременным условием реализации поэтики условно-метафорической прозы является воплощение философской идеи, изображение надындивидуального или внеиндивидуального, всеобщего, общечеловеческого, поэтому писатели этого направления активно используют сказочные, мифопоэтические и фантастические мотивы и образы. Все эти черты мы наблюдаем в романе В. Переводчикова.

Фантастичность отдельных глав романа, например, «Под крылами птицы деревянной», «Цзэмула-Летава», «Магический сосуд», «Выстрел в птицу», открывает различные аспекты добывания и бытования магических навыков и знаний в роду магинь. Фантастичность как прием в романе позволяет смещать время повествования, соединять далекие времена и персонажей, «играть» с временными пластинами. На первый взгляд непонятные слова, действия и заклинания магинь оказываются наукой, основанной на мудрости многих веков и знаниях тибетских, индийских, монгольских и китайских шаманов, целителей, знахарей. Это знание для избранных, знание, которое дается в процессе многочисленных испытаний, лишений, даже жертв. Так, чтобы сделать из Азеи свою преемницу, Трифела «очаровывает» отца Азеи, убившего её мать, как бы приносит их в жертву будущему посвящению девочки, и сама Азея, чтобы стать настоящей магиней, должна принести свою любовь, надежды на семью, на детей в жертву зна-

нию. Одна из самых интересных глав в романе посвящена инициации маленькой Азеи в глубины магического знания, когда она учится понимать лес, зверей, травы, учится «летать». В результате посвящения Азея должна понять одну простую и важную истину, что все усилия магинь, все знания веков, все рукописи, находящиеся в «схроне», нужны для помощи людям, и предназначение любой из колдуний – помогать страждущим, больным, заблудшим, всем, кто нуждается в помощи, не беря и не требуя при этом плату, только если сами дадут и отблагодарят. Поэтому «хроника» магической, знахарской деятельности Азеи предстает и как случаи избавления от смерти, когда Азея бросает вызов судьбе, «потусторонности», предопределенности человеческой жизни, и как бытовые анекдоты, когда с помощью Азеи покрывается чей-то грех или проступок. В её восприятии одинаково важно спасти старателя Ограна от смерти или дать возможность Федосею и Лиде Паниным иметь детей, но и скрыть незаконного ребенка Пульхерии Гвоздевой, приворожить к непутевой Дуньке Тишку, значит, помочь и как-то обмануть злой умысел судьбы. Поэтому не видит Азея преступления в смерти ребенка, которого она взялась лечить, наоборот, она дает шанс неизлечимо больному ребенку стать на ноги, в который раз обмануть смерть. Единственным упреком себе она ставит явление Вити на свет и собственное неумение рассчитать нужную дозу снадобья. Из жизненной философии Азеи вырастают в романе размышления автора о смысле человеческой жизни, о смысле знания, данного человеку. В беседе с адвокатом, которого назначают для защиты Азеи, Азея Елизаровна буквально излагает «программу» жизни человека. Во-первых, человек должен думать о добре, делать добро, служить добру, вне зависимости от благодарности: «Чем больше я делаю добра, тем больше мне Бог его и посылает» («Огни Кузбасса» № 3, с. 92). Не случайно Трифела-птица, наставляя Азею, вспоминает четыре истины Будды, по одной из которых нужно сделать праведными свои поступки, мысли, быт, намерения, речь. Во-вторых, зло обязательно нужно наказывать, часто жестоко карать смертью, что сделала Азея с теми, кто пытался её убить. В-третьих, нужно отдать свое знание единственному созданному для него человеку, который понесет его дальше и дальше будет творить добро. Драма Азеи, а вместе с ней и всего непознанного, скрытого, состоит в том, что современному рациональному миру не нужно сверхзнание, нет посвященного, нет избранного, чудо магии оказывается невостребованным, и таинственная Азея-птица в конце романа уходит или улетает в неизвестность, в небытие, забирая с собой все тайны. Человек оказывается несовершенен, его поступки часто лишены смысла, но человек достоин счастья, уходя, Азея-птица желает счастья всем оставшимся и, прежде всего, Венцову, своему следователю, почти приблизившемуся к разгадке её тайны. Не случайно роман заканчивается обретением дома, семьи, любимой

¹ Нефагина Г. Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х XX века: учебное пособие для студентов филологических факультетов вузов. – Минск: Экономпресс, 1997. – 231 с.

женщины, ребенка – всего того, что составляет смысл человеческой жизни.

Размышление 2. Повесть и рассказ

Начну с повестей. Прошедший 2009-й литературный год был богат на публикацию эпических произведений. В. Мазаев «Год восемьдесят шестой» (№ 3), А. Ябров «Ломбард, или Древние одежды» (№ 3), В. Коняев «Скатилось солнце во слезе» (№ 5), В. Арнаутов «Мелодия текущего тока» (№ 6). Сразу же отмечу, что вещи эти существенно разнятся между собой и по стилю, и по динамике повествования, и по художественным приемам, объединяет их только жанр повести. Поэтому говорить о поэтике этих повестей следует именно с позиции различных художественных приемов. Однако повести Коняева и Арнаутова похожи использованием приема ретроспективного воспоминания – когда герои, оказавшись в сложной, пограничной ситуации (угроза жизни и здоровью), возвращаются в далекое или недалекое прошлое. Пашка в повести Коняева вспоминает практически всю свою недолгую жизнь, находясь в завале; Серафим Петрович Каюмов из повести Арнаутова, испытав страшный сердечный приступ, нервный спазм, мысленно возвращается к причине болезни – ситуации, когда он заблудился в тайге. Думается, что авторы обращаются к ретроспекции с целью раскрыть характер персонажа или обратить внимание читателя на одну из отличительных черт характера, проявляющуюся в каких-то необычных ситуациях. Предположим, что использование данного приема определяет и художественную стратегию писателей – активно реалистическую. И в одной, и в другой повести действие и сюжетные события связаны с реалиями быта и обыденной жизнью обыкновенного рабочего человека: молодого шахтера Павла и пожилого преподавателя, любителя рыбалки и грибной «охоты» Каюмова. В этом смысле повести познавательны для молодого неискушенного читателя – подробно описываются реалии шахтерского труда, вплоть до своеобразных, можно сказать, архаических методов воспитания шахтера (Петы), а также подробности жизни маленького шахтерского городка; в повести Арнаутова такой «познавательной областью» становится описание разнообразных рыбных мест и тайги. Собственно этим повести и интересны, читатель имеет возможность с помощью художественного слова приобщиться к иным сферам реальности, о которых он, может быть, и не подозревал. Безусловно, можно найти в тексте некоторые натяжки, стилистические огрехи, я думаю, вряд ли в завале человек перепел бы все романсы на стихи русских классических поэтов или пошел в тайгу без спичек, но это частности, которые не портят общей картины добротного, живого повествования.

Имя В. М. Мазаева само по себе уже знак качества, и повесть «Год восемьдесят шестой» ещё раз это качество доказала. Даже то, что это «ремейк» давней повести «Дамба», не умаляет её достоинств. Казалось бы, «производственная» тема давно исчерпала

себя, для нынешних поколений 2000-х 1986 год – это давняя история, и чем может быть интересен прорыв дамбы на одном из заводов. Но потому это и Мазаев, что, описывая некое непримечательное событие, он берет читателя в плен повествования и держит его неотступно. Поэтому история о выбросе ядовитых отходов в реку вписывается в экологическую и некую общегуманистическую проблематику, но подается как лихо закрученный детектив, когда читатель сопереживает персонажам и до самой последней строчки гадает, обойдется или нет, погибнут люди или их спасут. Примечательно, что ни город, ни завод, ни река не обозначены, в повести просто Река, Завод, Город, Дамба, но именно безымянность и одновременно универсальность топонимических объектов (в повести прописные буквы) отражают метафорический смысл повествования – ответственности каждого человека без рангов и различий за судьбы даже не природы, а общего потока бытия. Это доказывает трагический финал – смерть Трёхнутого, Андрея Наймушина, в одиночку изучавшего гидроотстойник и его содержимое, его жизнь, его знания оказываются никому не нужны и оценены в десять рублей. Насколько мне помнится, в более раннем варианте «Дамбы» не было сюжетной линии Трёхнутого и его любви к дочери Каржавина Зое, как не было и самой Зои. Повесть заканчивалась достаточно оптимистичной картиной общей победы людей и природы над ядовитым потоком, будущая жизнь, зародившаяся в Вике, должна была знаменовать торжество над призраком экологической катастрофы. В данном варианте этого ощущения уже нет. От общей бесхозяйственности, от непрофессионализма, от незнания, от вечно русского «авось» остается горький осадок невозможности изменения жизни к лучшему. Думается, что подобные переделки в структуре повествования отражают общий авторский пессимистический настрой по поводу уже не 86-го года XX века, а сегодняшнего времени. Прорыв Дамбы – это сегодняшнее медленное умирание и отечественной духовности, и села, и образования, и в какой-то мере промышленности. Секретарь горкома Каржавин не смог ответить ни на один вопрос дочери («Если сегодня верно одно, а завтра уже другое, – значит, нет ни истины, ни правды?»), в финале повести он находится в начале своего собственного личностного пути постижения реальности и людей, а мы оказываемся уже в финале им начатого пути, у той черты, где духовные и экологические проблемы вместе разрушают цельное бытие. Я думаю, что повесть В. Мазаева может служить отличным примером рождения из реалистического повествования философской, экзистенциальной проблематики.

Ещё одно произведение в ряду повестей, оговорюсь сразу, мне не понравилось. Речь идет о «Ломбарде, или Древних одеждах» А. Яброва. Но попробуем разобратся. Здесь довольно сложное повествование, которое монтируется из достаточно реалистических и условных, фантастических сюжетов. Собственно реалистический сюжет связан с истори-

ей пожилого режиссера Олега Борисовича Зарчикова, он творчески угасает, практически забыт, завидует чужой славе, мечтает поставить «Чайку» Чехова и при этом чрезвычайно предприимчив – сдает помещения Дома творчества в аренду, а деньги кладет в свой карман. Но в то же время Зарчиков имеет привычку раздваиваться, в его сознании живут Пелий и Эсон, ведущие между собой бесконечные беседы, которые Зарчиков записывает на диктофон. Точно так же он записывает случайные разговоры, чужие монологи, реплики, из этих обрывков окружающей реальности он мечтает сделать радиоспектакль, сделать прорыв в современном искусстве и тем снова прославиться. Для меня как читателя осталось непонятным, при чем тут Пелий и Эсон, это две ипостаси внутреннего «я» Зарчикова? По типу «Я» и мой «Враг», или палач и жертва, или счастливец и завистник? В диалоге Пелия и Эсона идет речь о реалиях современной жизни, но тогда почему эти реалии передаются именно этими персонажами древнегреческого мифа, эта часть повести кажется чересчур претенциозной, не имеющей оснований в общей структуре повествования. Также «чересчур» воспринимается эпизод соблазнения студентки театрального училища, при этом стилистически выбивается явно авторский абзац обвинения развратников и греховодников. Финал повести остается непроясненным, что понял Зарчиков? Хаос, бардак, ломбард сегодняшней жизни, который, по его мнению, и должен стать главным событием будущего спектакля, и в этом смысле в какие бы одежды они нерядились, они остаются теми же. Но тогда какое отношение к ломбарду имеет Чехов и монолог Нины из «Чайки», который произносит жена Зарчикова? Я могу предположить, что повесть Яброва в условной художественной манере обращается к проблемам культуры, искусства (можно выделить мотив зависти Сальери-Зарчикова к более удачливому собрату), художника, но, на мой взгляд, эта проблематика осталась нереализованной из-за многочисленных попыток расцветить повествование постмодернистскими приемами потока сознания, перечня, разрыва, интертекста.

Обратимся к прочитанным рассказам. Малый эпический жанр представлен на страницах журнала широко и разнообразно. Мне бы хотелось выделить две тенденции в поэтике рассказа: с одной стороны, рассказы в реалистической манере повествующие о случае из жизни, тем самым отражающие многообразие реальности и подтверждающие основную черту рассказа как жанра – изображение фрагмента, мгновения, кратковременного события в реальности, способного перевернуть жизнь человека. С другой стороны, рассказы, написанные в фантастической, условной манере, в которых происходят не совсем реальные события, но через прием условности рассказ обращается к глубинным душевным проблемам.

К первому типу рассказов я бы отнесла: «Федор Григорьевич, Дерик и др.» В. Крёкова (№ 5), «Случай

с Олей Густешовой» С. Луцкого (№ 5), «Штурман Серый» И. Тюниной (тот же номер), «Слива» М. Кривошеина, рассказы В. Попка, Г. Золотайной, А. Ярощука (№ 6) и многие другие. В. Крёков верен своей во многом мемуарной манере, рассказом-анекдотом я бы назвала «Случай с Олей Густешовой», очень симпатичный «детский» рассказ А. Ярощука «Дружок, или Лекарство от хандры», от которого, несмотря на печальный финал (смерть Дружка), остается очень светлое чувство победы жизни над смертью, какой-то правоты Дружка, что жить надо, поэтому появление Дружка-2 закономерно. Все эти рассказы по своему интересны и занимательны, но мне хотелось бы остановиться на другой группе: отец С. Адодин «Иерусалим, Иерусалим...», А. Брюховецкий «Я пришла», Г. Дырин «Ангел-хранитель» (№ 6).

Эти рассказы объединяет некое сверхъестественное событие: встреча с Мессией, встреча со смертью, встреча с ангелом-хранителем. И все эти моменты направлены на обнажение человеческой души, на обнаружение нравственных механизмов для возможности называться человеком. Так, герой рассказа «Я пришла» в момент встречи со Смертью не только кается во всех совершенных грехах, но испытывает ни с чем не сравнимое наслаждение освобождения души от бренного тела с его повседневными тяжкими заботами и злобой (ненависть к кошкам), душа обретает бессмертие и в ожидании вечной радости или вечной печали обретает успокоение. А герой «Ангела-хранителя» счастливо избегает смерти и обещает поставить свечку в церкви во избавление от недуга, но за делами так и не делает обещанного. Казалось бы, человек ничему не научился, однако он постоянно помнит о своем зароке, думает об ангеле, мысленно благодарит его, а в памяти уже заключается духовное перерождение человека.

И совершенно по-особому прочитывается рассказ «Иерусалим, Иерусалим...». Автор нашел очень интересный, обоснованный, необычный прием повествования о событиях Священной истории. Рассказ ведется от первого лица, и постепенно читатель понимает, что герой – разбойник, убийца, главарь шайки, орудовавшей в окрестностях Иерусалима во времена Христа. Это тот разбойник, что распинается вместе с Христом (справа от него), но после смерти ему Христом обещано Царствие Небесное (Евангелие от Луки, 23, 40–43). В Евангелии это маленький эпизодический персонаж, который никогда не привлекал внимания историков и писателей. Тем и интересен рассказ, автор пытается проникнуть в психологию этого человека, и пусть в сослагательном наклонении, но ещё раз представить историю Христа с другой точки зрения. Рассказ написан очень живо, может быть, герой говорит и не совсем тем старым языком, но его слова звучат убедительно, его рассказ – это летопись убийств, грабежей, обманов, ему не знакомы угрызения совести, за деньги он готов убить любого. Потому и в праздничном Иерусалиме, отмечающем Пасху, он оказывается для того, чтобы поживиться в толпе народа. Но потому и за-

хватывают описания его страданий на кресте, его раскаяние, что в момент надвигающейся смерти он искренен, он готов для обращения в веру, при собственных невыносимых страданиях он замечает мужество другого (Христа) и раскаивается со всей страстностью души. Думается, что у этого фантастического повествования большой морализаторский, нравственный потенциал – каждому, пусть самому закоренелому преступнику, дано право покаяния, дано право оказаться «по правую руку». Поэтому в финале, в момент смерти и разбойника, и Христа, не чувствуется конца, смерти, наоборот, торжество воскресения, и не возникает и тени сомнения, что два новых «приятеля» не в раю, это та истина, что возникает в конце чтения.

В заключении своего обзора хотелось бы поблагодарить редакцию журнала «Огни Кузбасса» за титанический труд поиска и отбора материалов, за внимание к читателям; и пожелать журналу и его авторам дальнейших успехов. А читателям журнала – чтения «запоём».

Виктор БОКИН,

г. Новокузнецк

Проза бывает разная. Детективная, историческая, ещё какая-нибудь. И проза бывает художественная. И что это – великая тайна. Например, рассказ Мазеева «Без любви прожить можно» – здесь от одного названия уже есть ощущение образа.

Как говорить о поэзии? Ходим, поэты, первые парни на деревне... А над нами «Белеет парус одинокий», над нами «Матушка возьмёт ведро, молча принесёт воды...», над нами «И выковыривал ножом изпод ногтей я кровь чужую...», над нами «Наша бедность граничила с Богом...», а мы тут чего-то пишем... И ещё чего-то волнуемся: тут тебя не любят, тут тебя не признают, тут к тебе не так относятся... А поэзия от всего этого далеко. Поэзия – это вообще невозможный экзамен...

К сожалению, часто случается так: переставь фамилию автора с одного места на другое и абсолютно не догадаешься, кто это написал... Но можно назвать и у нас имена, которые имеют свою окраску, их все знают. Например, Андрей Правда... Вначале он работал очень тонко. Вышивание крестиком, мулине, игра образами. Но видно было, что всё это дается с трудом. Не было дыхания, не было опыта. А в нынешней подборке дыхание прорывается, есть то, что выделяет его как автора. Очень интересная подборка.

Ещё бы я отметил Татьяну Кравченко. Одно название удивляет: «Мне нужен сторож». Раньше женщины о чём писали? В основном про любовь. Сейчас – какая любовь... больше физиология. Зато стала чувствоваться трагедия. А у Татьяны – есть что-то своё. Я не буду приводить по строчкам. Почитайте. На самом деле – две серьёзные подборки.

О поэме Ибрагимова. Тяжело читал. Четыре раза перечитывал. Как он там пишет, то ли я у него друг-враг, то ли враг-друг. Так можно двусторонне сидеть и до бесконечности писать. Демагогия и псевдоум-

ничание. Ощущение потерянного времени. Я нашёл для себя две живые строчки:

*И кто из них сейчас не Магеллан?
В кармане оттопыренный наган.*

Но для меня они живые не от того, что они у него живые. А от того, что до этого были строчки Донбая:

*Я знаю, он не хулиган,
Но всё же у него наган.*

Донбай картину нарисовал, а это повтор.

Опасность этих двусторонних в том, что поэта в них влечёт куда-то в бесконечность. Рифма за рифмой. И не приводит никуда.

Для сравнения – стихотворение Бориса Бурмистрова:

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР
С ПЕТЕРБУРГОМ

*Я слышу, как в Питере лает собака,
А в голосе друга не слышится страха.*

*Я слышу, как в Питере дождь шелестит,
А здесь белый ливень по крыше стучит.*

*Я слышу, как в Питере друг мой вздыхает,
И слышу, как дождь за окном затихает.*

*Всё в мире по кругу – дожди, снегопады,
И мы с моим другом общению рады...*

*Я слышу, как в Питере лает собака,
В квартире, у друга тепло ей, однако.*

Простые слова, простые рифмы, но здесь – душа. Это настоящее.

Валерий ПЛЮЩЕВ,

г. Кемерово

Я очень люблю просматривать и читать журналы и альманахи разных российских регионов. Отыскиваю их, внимательно прочитываю то, что мне интересно, когда попадают в руки, – никогда легко не выпускаю. Самое интересное прочитывается сразу. Очень много журналов, о которых сейчас московские критики пишут уничижительно: дескать, «периферийка» или ещё что-нибудь в кавычках. И много журналов действительно достаточно низкого уровня. Недавно смотрел альманах Нижнего Новгорода. Традиции-то там какие! Какие там были писатели! Но, если рядом сейчас поставить «Огни Кузбасса» – даже сравнивать нельзя: мы лучше, выше!

Наш журнал по-прежнему неровный, и я считаю, что это хорошее качество. Потому что не может быть всё на одном уровне: писатели разные, и произведения то удачными получаются, а то и неудачными. Журнал дает срез того, что у нас есть в литературе. Я, скорее по привычке, кто-то говорит – из критической злобности, карандашом отмечаю, всякие

нехорошие надписи делаю, знаки рисую ко всему печатаемому... И только к Владимиру Мазаеву у меня нет этих «рисованных» претензий. К остальным есть... Но при всём при этом, уровень журнала все-таки выше, чем у многих.

Когда я приготовил для читки и обдумывания все шесть номеров, взял и положил их на диван. Женской домашней половине не нравится, она порядок любит, но журналы всё равно лежат. До чего красиво смотрятся! И содержание нравится.

А вот редактору можно побольше, посерьезнее редактировать, особенно прозаические произведения. Хотя и к поэзии этот подход тоже применим... Вот поэта Андрея Правду сегодня хвалили. Он в одном из стихотворений воздух с саке сравнивает. Кажется – хорошо... Но ведь саке, если кто пробовал – это для нас такая гадость!..

В журнале есть уникальные рубрики. Очень люблю «Библиотечество», «Светлицу». Появились «Православные чтения», «Искусство». Это просто здорово, когда хорошего качества репродукции можно посмотреть. Хорошо ложится на душу «Литературная жизнь». Она всё полнее и объемнее, да ещё и с фотографиями. Это нужное дело. Мы уйдем, а потомкам это останется. Будут об этом писать историю, диссертации!

Чего не хватает. Мне мало мемуаров, особенно, если сравниваться с российским мощным мемуарным потоком. Не хватает круглых столов, обсуждения серьёзных проблем... Давно не было публикации писем...

Очень интересная у нас политическая публицистика, спасибо Валерию Власову. У него всё любопытно. Но, когда автор начинает брать какие-то факты из памяти – этот инструмент может подвести. Опять же нужен заинтересованный редактор. Вот Власов пишет о недавнем прошлом: «Тиражи некоторых журналов поднялись до 20–30 тысяч. Ну нет же! 200–300 тысяч – перестроечные тиражи! Доходило до миллионов!» Дальше у него приводится известное высказывание Черчилля, помните: «Кто в молодости не был революционером...» Автор дает такой вариант, что можно возмутиться. Всё это опять-таки редактору должна «вычищать».

Галина КАРПОВА,

г. Кемерово

Юбилейный для журнала «Огни Кузбасса» 2009 год кузбасские писатели встретили хорошими творческими достижениями в области поэзии и прозы. Все шесть номеров журнала «Огни Кузбасса» заполнены качественными литературно-художественными, очерковыми, публицистическими, историко-культурными материалами, рассчитанными на разнообразные читательские установки. Великолепны путевые заметки Веры Лавриной «Ущипни меня (или путешествие по Италии)» (№ 1). Талантливо написано эссе Любви Скорик о становлении кузбасского телевидения (№ 4). Традиционно большой читательский интерес вызывают материалы в рубриках «Лики

земляков», «Заповедная Сибирь», «Православные чтения». Особо тронули материалы о выдающихся православных подвижниках Кузбасса – владыке Софронии (№ 4) и о. Александре Пивоварове (№ 3). Спасибо Владимиру Ерёменко и Галине Ветровой за умение трепетно запечатлеть в слове духовный облик почитаемых земляков. Заметным явлением журнальной прозы стала новая повесть классика кузбасской литературы Владимира Мазаева «Год всемьдесят шестой» (№ 3), осмысляющая злободневные экологические и неизбежно связанные с ними духовно-нравственные проблемы. Для читательниц журнала приятным подарком в четвёртом номере стали публикации повестей Натальи Колесовой «Валентинов день» и Татьяны Твердохлебовой «Короткие истории из жизни Светочки Ромашкиной». Добротная женская проза, на зависть столичным журналам. Талантливы женщины Кузбасса! Повести Натальи Колесовой «Как я мужа искала» (2008), «Валентинов день» (2009) так и просятся на теле- и киноэкран. Получились бы интересные фильмы о современной жизни.

Необходимо отметить мастерскую работу редколлегии журнала «Огни Кузбасса», прежде всего, главного редактора Сергея Донбая и ответственного секретаря журнала Дмитрия Мурзина по составлению отдельных номеров журнала, каждый из которых отличается концептуальная завершенность и эстетическая целостность. Так, первый юбилейный номер журнала оправданно открывает подборка стихотворений С. Донбая «Родной язык – наш промысел живой», подключающая читателей к серьёзным размышлениям о роли слова в жизни человеческой и одновременно о значении в ней литературного журнала. Удачно завершает журнал критическое эссе Геннадия Кузнецова «Жизнь слова». Хорошо продумывается составителями журнала месторасположение той или иной публикации, организация межтекстового диалога. Например, в четвёртом номере журнала при первом прочтении показалось неожиданным после подборки серьёзных стихотворений Бориса Бурмистрова «Как больно рождается слово» размещение повести для «лёгкого» чтения «Валентинов день» Натальи Колесовой. Однако при повторном прочтении номера становится понятным, что связывает оба материала мотив прозрения. Строки Б. Бурмистрова «Когда душа покинет плоть, Дай ей прозренья» формируют фокус читательского восприятия повести «Валентинов день», в которой мотив прозрения главной героини является ключевым.

Тема творчества – особая тема журнала «Огни Кузбасса» в 2009 году. Многообразно осмыслена тема творчества, ответственности творца в подборке стихотворений талантливого кузбасского поэта Дмитрия Мурзина «Иван, припомнивший родство» (№ 2). Мастерство поэта ярко проявилось в поисках нужной стихотворной формы, например, стихотворение «Ад писателя – это лес...». Новаторские поиски отличают лирико-философскую поэму Александра Ибрагимова «Младенец Магеллан», в центре

которой творческая личность, постигающая себя и бытие. Интересны поэтические поиски Галины Золотайной – талантливые «квартиры» и «камушки» (№ 2). Притягивает внимание подборка стихотворений Натальи Поляченко «Загадай желание – я лечу!» (№ 2). Приятно, что живая жизнь словесного творчества не живёт особняком на страницах журнала, а существует во взаимодействии с другими видами искусств: изобразительным, театральным, музыкальным. Талантливых писателей в Кузбассе много, хочется пожелать журналу «Огни Кузбасса» увеличения числа талантливых читателей.

Ольга ЧЕРКАСОВА,

г. Кемерово

Что меня привлекло в журнале за 2009 год? Прежде всего меня удивил роман Владимира Переводчикова «Колдунья Азея». Хорошо, когда читатель удивляется. Тема не новая, об этом писали многие и много, тем не менее написано сочно, свежо и интересно. Даже исторические вкрапления – приём не новый – смотрятся у Переводчикова интересно. Это удача журнала. Что касается поэзии, меня привлекли подборки Владимира Соколова и Ирины Фроловой. Это мои любимые поэты.

*Если настроение осеннее
Или в гости забредёт тоска,
У меня есть верное спасение –
Раненая ломкая строка.*

Это Ирина Фролова. Я не люблю хеппи-энд, и мне нравятся стихи, написанные раненой строкой.

И ещё меня удивила Золотайна. Её стихотворная подборка во втором номере. Она решила быть краткой и в прозе, и в стихах. Она представила трехстишья. По-прежнему мне нравится вклейка. Корягин, «Бедная Лиза», Дрозд и Акимова, после того, как они жили и работали в Париже. И нравится мне рубрика «Литературная жизнь». Спасибо Виктору Арнаутову.

Михаил КАЛИНИН,

г. Кемерово

Четвёртый номер «Огней Кузбасса» радует обилием хорошей лирики. Открывается он стихами Виктора Баянова. Чем-то берут они за душу. На глазах появляются слёзы, когда читаешь стихи о послевоенных сиротах. Кстати, в этом номере напечатана очень хорошая рецензия Любови Никоновой о творчестве Виктора Баянова в связи с его юбилеем.

Интересны подборки стихов Бориса Бурмистрова и Александра Ибрагимова. В стихах Сергея Атрошкина об Афганистане свистят пули, встают картины жарких боёв, гибнут солдаты. Жаль, что используются не для всех известные аббревиатуры и обозначения. Например, что такое «броня», «вертушка», знают довольно многие, а вот что такое «ДШК» – навряд ли.

А вот с прозой в этом номере, на мой взгляд, худо. Сомнительно, что старик из рассказа Александра

Хохлова «Оверлок», живущий в глухой деревне, способен на философские рассуждения, невозможные без высокого образования. Рассказ Юрия Дубатова напоминает записки из юношеского дневника автора. Не могу назвать сие творение художественным. Да и смысл его определяется смутно. Рассказ Виктора Коврижных «Ванечка» тоже слаб, на мой взгляд. Несовершенный вид глаголов делает форму повествования какой-то длительной. Финал показывает слабину героя перед жизнью. И сколько людям говорить, что пиво «разливным» быть не может. Приставки раз- и роз-, к сведению автора, кроме наличия и отсутствия ударения, различаются ещё и семантически.

Удачна повесть Натальи Колесовой «Валентинов день». Правда, требуется иное жанровое определение, потому что это большой рассказ. Но построено произведение достаточно увлекательно, есть и над чем подумать, хотя оно беллетристично и комедийно. Привлекают внимание герои – молодые люди.

Журнал пытается возродить так называемую агрографическую литературу (жития святых): уже во втором номере подряд – материал о церковных деятелях. Если в прошлом номере была описана жизнь отца Александра, то в этом поднялись саном выше: в центре заметки находится Владыка Софроний.

Юбилейная рубрика – шукшинские чтения в Сростках. Она востребована, поскольку не у всех есть возможность съездить на родину писателя. В разделе публицистики примечательна статья Анатолия Байбородина «Плач по литературе». Обидно, конечно, что литература в нынешнее время оказывается в роли золушки, но надо рдеть и за то, чтобы в самой литературе не появлялось недостойных тем и героев. Весной прочёл роман Д. Быкова и был поражён. Там женщина, хранительница, между прочим, семейного очага, рассуждает о сексе как пошлый мужик. И это нам преподносится как элитарная литература. Ужас!

Хочется отметить и ценность публикации о совещании редакторов сибирских журналов. В центре нашей области собрались представители Новосибирска, Барнаула, Красноярска, Тюмени, Бийска, Томска и, разумеется, Кемерово. Совещание показательно и для читателей, поскольку внушает надежду, что сообща восточной части России удастся противостоять общемировому процессу деградации.

А пятый номер журнала радует качественной прозой. Рассказ Ирины Тюниной «Штурман Серый» замечателен. Автор утверждает, что жизнь – всего лишь миг. Действительно, что мы успеваем сделать за свою жизнь? Оглядываясь в старости на прожитые годы, зачастую человек сознаёт, что по существу ничего стоящего упоминания в жизни нет. Откровенно говоря, подобная тема в русской литературе давно освоена. Но у Тюниной Ирины она выглядит по-своему, несколько комично и простовато, но, замечу ещё раз, просто замечательно. В детстве человек сетует на то, что время летит медленно, а становясь постарше, наоборот, не успевает считать годы. Финал рас-

сказа раскрывается ещё одной темой. Художник слова утверждает, что часто в жизни мы не замечаем счастья рядом с собой и стремимся в заоблачные дали за неведомым идеалом. Но стоит окинуть взглядом близлежащие окрестности, как счастье не заставит себя ждать. Вот такой превосходный рассказ. Посвоему замечательна повесть Виктора Коняева «Скатилось солнце во слезе». Семейный быт молодого горняка раскрывает его характер. Автор посвятил сие творение экзистенциальному направлению. Он показывает, как человек в условиях беды остаётся Человеком. Поэтому Пашка, герой произведения, не делает различий в том, кто перед ним, – он спасает и уголовника, и начальника. Актуально, я думаю, на сегодняшний день произведение Виктора Пьянзина «Кроссинговер». Автор показывает, что наука в современных условиях оказывается попросту ненужной. Здесь присутствует много достаточно мерзких эпизодов, например, когда Мишаня, герой рассказа, обгладывает мусор. Обидно, что некогда великая страна не с должным вниманием относится к своей нынешней интеллигенции. Здесь ещё и личная трагедия накладывается на общественную. Автор, на мой взгляд, утверждает, что представительницы слабого пола более приспособляемы к новым условиям. То, что

они выбирают не счастье, а деньги, выходя замуж за приспособленцев и заводя богатых любовников, характеризует их не с лучшей стороны. Мотив эротики, как бы я ни выступал против изображения его в литературе, здесь вполне гармонично вплетён в сетку рассказа. Сюжет оказывается не таким уж и пошлым.

В разделе поэзии выделяются Виктор Бокин, Сергей Гонцов и Василий Феданов. Подборка первого – попытка понять жизнь такой, какая она есть. То ли это гражданская война, то ли обман, то ли ничтожество и чепуха. Творчество второго – восторженная песнь во славу Сибири. Свобода, говорит поэт, скрывается в просторах сибирского континента. В поэзии третьего художника запечатлён протест зверей и присоединившегося к ним автора против разгула цивилизации, против загрязнения окружающей среды.

Замечательное повествование об острове Свободы напечатано в рубрике «Дальние страны» Владимира Угрюмова. Так и хочется попасть на золотые пляжи далёкой Кубы. Наяву происходят экзотические танцы, слышится испанский язык, видна зарубежная архитектура. А эссе Гария Немченко показывает неразрывную связь автора с Новокузнецком. Писательская дружба, отмеченная в эссе, притягивает внимание читателя своей простотой.

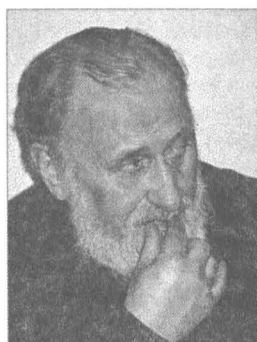
Д. Хоботнев

С. Подгорнов

И. Ащеулова

В. Бокин

В. Плющев

Г. Карлова

О. Черкасова